

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОТОПОНИМИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НИЗИНЫ РЕКИ НЯВЕЖИС

НИЙОЛЕ ТАЛУНТИТЕ

Университет им. Витаутаса Великого

Ключевые слова: *топонимы, Литва, Чеслав Милош, идентичность, этнотопонимы.*

Key words: *toponymy, Lithuania, Czesław Miłosz, identity, etnontoponymy.*

Обращаясь к явлениям культурного сродства, необходимо определить соотношение понятий культурной и этнической идентичности. Одна из форм существования культуры – этническая, иногда этнические и культурные формы совпадают. Поэтому понятие этнокультурной идентичности может трактоваться как такая форма социальной идентичности, которая формируется на этнической основе. Этническая идентичность имеет долгую историю исследований, опирающуюся на понятие этноса. В теории этноса признается онтологизм, историзм и континуализм этнических образований. Онтологически этнос понимается как социальная общность, которой свойственны специфические культурные модели. Они предопределяют долгосрочное и уникальное сохранение моделей культурных отношений внутри общества даже в важные периоды социокультурных преобразований. Смит анализировал генезис современных наций, реконструируя их этнические истоки (Smith, 1986, 1991). По мнению Смита, основу современных наций составляют давно живущие национальности, история которых длится веками и даже тысячелетиями. Понимание национальностей у Смита очень близко пониманию этноса. Таким образом, этнос признается как реальное и историческое этнонациональное производное, имеющее стабильное ядро культурных элементов и самосознания.

С другой стороны, в современной антропологии этнонациональные производные рассматриваются как современные научные, политические и идеологические конструкции, *воображаемые общества*. Конструктивистские и инструменталистские теории не углубляются в онтологические и аспекты преемственности национальной идентичности. Понятие этничности с точки зрения этнической идентичности употребляется как ситуативное (синхронное) выражение социокультурного подобия. В конструктивистских и инструменталистских теориях этничность, прежде всего, понимается как групповая идентичность, т. е. как организация большинства людей, составляющая определенную группу, которой свойственна солидарность и индивидуальное членство. Соединение группы и индивидуальности в значении этнической идентичности постулирует идентичность двух уровней: экзистенциальную и социальную. Личное самосознание человека как принадлежность к определенной социальной единице раскрывает субъективный внутренний психологический аспект идентичности, который необходимо

подтвердить адекватными формами культурных репрезентаций. Именно формы культурной репрезентации могут изучаться как репрезентанты определенной этничности. Таким образом, синхронно исследуя культурные производные, можно установить исторически неодновременные структурные элементы этнической идентичности и пытаться стратифицировать их.

Точкой отсчета в статье избрана территория, которая идентифицируется и локализуется как индивидуальная манифестация этничности в творчестве Милоша, спровоцированная экзистенциальной потребностью самосознания личности. Самоидентификационный конструкт у Милоша наиболее существенно раскрыт в романе «Долина Иссы». Нарратив романа помещен в определенное географическое пространство, идентифицируемое как долина Иссы. Название реки интерпретируется как наследие этноса балтов. Географически, т. е. природно и этнически, названная территория предопределяет геокультурный подход к поискам структур этнической идентичности. Исследования геокультурной этничности могут обозначиться как поиски признаков мотивационного обоснования определенной территории.

В сознании многих жителей Литвы укрепилась метафора *родная земля*, скорее всего, пришедшая из художественной литературы и встречающаяся не только в литовской, но и у соседей – в славянской фразеологии. В литовской филологии нет исчерпывающих исследований этой метафоры. Лишь интуиция подсказывает, что метафора используется, когда следует определить сложный комплекс реалий – не только географическое название местности, но и духовное подобие, эмоциональную связь, особенные, своеобразные, часто личные акценты опознавания родины. Чеслав Милош называл себя последним гражданином Великого княжества Литовского, соотносил собственную культурную идентичность с выдающимися художниками ВКЛ, прежде всего, с Адамом Мицкевичем. В книге «Беседы с Чеславом Милошем» польский литературовед Александр Фьют спросил его: «...Вы принадлежите еще той формации, которая исчезает, которая выросла в поместьях и, по правде говоря, к девятнадцатому веку». На это Милош ответил: «Неправда, что я из девятнадцатого века. Я – из семнадцатого века» (Фьют, 2006, 143). Конструкт идентичности писателя составляют различные пространственные и временные структуры мира, символы культуры, рефлексии родства и происхождения. Это очень напоминает конфигурации современного человека, которые часто komponуются своеобразно, они только ментально связаны с какой-либо локальной территорией образами прошлого и лаконичными пунктирами традиций. Результат поисков Милоша собственной идентичности – почти полностью перенесенный в сферу сознания и рефлексии конструкт идентичности, развернутый в творчестве – поэзии, прозе, эссеистике. Это хранилище тождества, тесно связанное с перипетиями истории Литвы, локализовано в именах собственных.

С точки зрения территории, приняв низину реки Нявежис за основу идентификационной оси, ее можно обозначить распространением топонимических идентификаторов – названий местности с компонентом *-gala*.

Родные места Милоша – Ванджиогала. Здесь еще сохранились могилы предков писателя. Топоним *Ванджиогала* связан с вереницей производных компонентов *-gala*, распространенных в топонимии Центральной Литвы. Во время топонимического исследования были собраны воедино зафиксированные в «Справочнике административного

деления Литвы» топонимы с компонентом *-gala*. Топонимическая схема весьма красноречива.

Ariogala (Ариогала, Расяйнский район), по утверждению Каралюнаса, корень первого компонента такой же, как в названии деревни *Āriškės* (Аришкес, Жаренай, Тельшяйский район) и связан с респ. им. *Arys, Arius* (Karaliūnas, 2005, 134).

Birjāgala (Бирьягала, Розалимас, Пакруойский район), компонент *Birja* может быть сопоставлен с *Birjōčiai* (Бирьёчяй, Аукштялякяй, Радвилашский район) и связан с личным именем *Birjotas*. Поэтому топоним, респ. ойконим **Birjatgala* в разговорной речи, утратив глухой согласный «т» перед звонким «г», произносился как *Birjagala*. «Я» и «о» в корне личных имен *birja-* и *birjo-* (для сравнения: *Daujotas* и *Daujatas*, *Sir-jat-avičius* и *Sir-iotas* (LPŽ I, 264). Варианты сегмента *jot* и *jat* (ёт и ят) могли появиться под влиянием славянского языка. В XVII веке существовала форма *Dowiat* (Metryka Litewska, 2000, 145). Литовские фамилии, дошедшие до наших дней и испытавшие влияние славянского языка, вероятно, приобрели различные формы. С другой стороны, нельзя отказаться от допущения, что двухосновный сегмент личного имени *-iat-* такой, как *Daujatas* (Дауятас), может означать еще непревращенный долгий *-a-* в *-o-*, как и в топониме *Birjāgala*, где *-a-* в первом компоненте застыл и не превратился в *-o-*.

Brazdīgala (Браздигала, Пасвалис), компонент *brazd-* такой же, как личное имя *Brazdys* (LPŽ I, 1301).

Betýgala (Бятигала, Расяйнский район), компонент *Bet-* такой же, как у ойконимов *Betiškė* (Бятишке, Игналинский район), *Betiškės* (Бятишкес, Зарасайский район), и связан с личным именем **Betis*, **Betys*. Такой фамилии, респ. им., в словаре литовских фамилий нет. В прусском именном указателе, кажется, был корень *bet-* в названии местности *Bēten*. «Этимологический словарь» Мажюлиса указывает, что данное название местности появилось из названия реки **Bētā*, которое от прил. (ж. род) **bētā* «Бета – блестящая, сияющая». Автор словаря предполагает, что название реки возникло из названия местности *Pobeti / Pobeten*, которое по-литовски звучало бы *Pabėčiai* (Пабечяй) (Mažiulis, 1988, 146). Ойконимы с корнем *Bėč-* встречаются в Литве. *Bėčiai* (Бечяй, Пабраде, Швянчёнский район) – это собирательный ойконим от личного имени *Bėčius* (LPŽ I, 218), *Bėčionys* (Бечёнис, Зуйкос, Игналинский район, Девянишкес, Шальчиникский район), *Bėčiūnai* (Бечюнай, Зуйкос, Игналинский район, Нямунале, Радвилашкис, Биржайский район) должно быть *pluralia tantum* от патронимов личных имен **Bėčionis*, **Bėčiūnas*. В LPŽ личное имя *Bėčius* сравнивается с латв. *Becis*. Такое сравнение позволяет предположить, что личное имя пришло из латвийского языка. Однако названия деревень *Betiškė*, *Betiškės* (Бятишке, Бятишкес) указывают на бывшие личные имена **Betis*, **Betys*. В LPŽ присутствуют варианты окончаний *-is*, *-ys* и *-ius*, например **Tašis* (of. *Tašis*), **Tašys* (of. *Taszies*), *Tašius* (Ташис, Ташюс). Все фамилии записаны в Клайпеде (LPŽ II, 1025). Сохранившаяся фамилия с основой *-(i)u-*, а так же другие фамилии с основой *-(i)io-* встречаются только в рукописях. Амбразас утверждает, что «С производным окончанием *-ius*, образовавшимся от смешения основ *-iio-* и *-iu-*, появились названия действующих лиц, фиксируемые с начала XVII века (Ambrasas, 1993, 170). Такой процесс смешения основ названий мог оказать влияние и на смешение основ личных имен.

Brūžgala (Бружгала, Сидабравас, Радвилашский район), первый компонент связан с личным именем *Brūžas* (LPŽ I, 319). Производное слово другой основы личных имен

Bružiš или *Bružys* (Бружис) произошло от названия деревни *Bružiai* (Бружяй, Пакальнишкяй, Радвилышский район). Основанием первого компонента соединения могла быть любая форма указанных личных имен.

Daukšiogala (Даукшиогала, Тетервинай, Пасвальский район), первым компонентом здесь являются личные имена *Daukša*, *Daūkšas*, *Daūkšis* или *Daukšys* (Даукша, Даукшас, Даукшис) (LPŽ I, 472).

Dievógala (Девогала, Восилишкис, Расяйнский район), *Dievógala* (Альшенай, Каунасский район), корень первого компонента есть в названиях местностей *Dievóniai* (Девоняй, Кяльме), *Dievóniškės* (Девонишкес, Кайренай, Вильнюсский район). Названия местностей должны были появиться из личного имени **Dievonis* (Девонис), однако такого личного имени в LPŽ нет. Есть фамилия **Devonis*, ср. с письменной формой *Dewonis* (LPŽ I, 488). Если личное имя **Dievonis* составляет основание первого компонента, соответственно, образуется форма **Dievongala*. Вероятно, *-n-* в процессе использования утратилась.

Eigirgala (Эйгиргала, Домейкава, Каунасский район), первый компонент от личного имени *Eigirdas* (LPŽ I, 565). В рукописи XVIII века есть запись: *Eyrgirgole okolica różnych possesorów, dziedzictwo Kaspera Eygirda, Kazimierz y Mateusza także Eygirdów, [?] Rodwiłowicza, Antoniego Jachymowicza, Jana Szatyńskiego [...], Micha Daszkiewicza, Tadeusza Bruszewicza, Jozefa Niedziewicza ett [...] przez rzeką Wilija* (SA, 17). *Ród Eygirdów Wortłowo: Mateusz Eygird, Jakub Eygird, Samuel Eygird* (всего 8, в других сводах – 6) (Метрыка Литевска, 2000, 144), *Родъ Эйгирдовичовъ з Ворлова* (Литовская Метрика, 1915, 738).

Следует отметить, что славянская форма с окончанием *-e*, предполагающая литовскую собирательную форму с окончанием *-iai* **Eigirgaliai* (Эйгиргалай), может сравниваться с такими производными парами, как *žiemgaliai: Žiemgala, latgāļiai: Lātgala* (жямгалай: Жямгала, латгалай: Латгала).

Eiriógala (Эйриогала, Жасляй, Кайшядорский район), первый компонент, предположительно, произошел от личного имени **Eiryš* (Vanagas, 1996, 29).

Wądziogala, Wędziogala dwór, wieś w dobrach Kunickiego (SA, 25); *Wędziogala* (Метрыка Литевска, 2000, 140). Первый компонент современной формы может сравниваться с *Vandžiai* (деревня Ванджяй, Бятигалская апилинка, Расяйнский район) и происходить от личного имени *Vandys*, встречающегося в Чякишке (LPŽ II, 1159). Вторая форма документов *Wędziogala* с сегментом **en* может быть связана с личным именем *Vendis*, в латышском языке *Vende*. Салис утверждает, что форма *Wandeiagel* впервые встречается в конце XIV века, а первый компонент происходит из праитовского – *vandjā-* (Salys, 1990, 576–579).

Preiszogala Rod Preyszagoly Urczewiczow (1691), Urkszewiczow z Preyszagoly: Jan Stanislawowicz i Gabriel Skyrgaiłowie, Wojciech i Samuel Jagielowiczowie, Hrebory, Piotr i Jan Downtortowie, Stanislaw Sakowicz, Jakub Pietkiewicz. Preišiógala (Пряйшиогала, Ванджиогалская апилинка, Каунасский район), первый компонент *preiš-* (пряйш-) связан с личным именем *Preišas* (Пряйшас) и встречается в *Словаре литовского языка*. Можно предположить, что название возникло от *Preisas*. В *Словаре литовского языка* личное имя сравнивается с латвийским личным именем *Preiss*, немецким – *Preis, Preiß*, литовским германизмом *preisas* – „prūšas“.

Puōdžgala, ср. *Puōdžiai* (Пуоджгала, Дотнувская апилинка, Кядайняй), *Puōdžius*, происхождение личного имени связано с лит. *puōdžius* – «гончар» (LPŽ II, 534).

Ramygala (Рамигала, Паняевжский район), «составная форма названия местности, состоящая из прилагательного *ramus* (спокойный) и существительного *gālas* (конец)» (Vanagas, 1996, 192).

Saudógala (Саудогала, Салочяйская апилинка, Пасвальский район), местность расположена у реки *Saudógala*. Этимологию гидронима отмечает Александр Ванагас (Vanagas, 1981, 292). По мнению исследователя, первый компонент *saud-* (сауд-) возник из литовского *sald-* (салд-); его цитирует Казимерас Буга. Он отмечает, что в этой местности произносят не *saldūs*, а *saudūs*. Таким образом, первый компонент названия местности можно связать с личным именем *Saldà* (LPŽ II, 663).

Stavarýgala (Ставаригала, Гявону апилинка, Ширвинтский район), местность у озера *Stavarýgalos* (Ставаригалос). Первый компонент произошел от личных имен *Stavāras*, *Stavāris* (LPŽ II, 814). Именно вторая форма первого компонента соответствует окончанию основы -у.

Suradgalis (Сурадгалис, Трускавос апилинка, Кядайнский район). В XVIII в. писалось *Surdogola* (Сурдогола), первый компонент, которого *surd-* можно было бы связать с личным именем **Surdas* (Сурдас), ср. с белорусск. *Сурдо* (Бирыла, 1969, 339).

Tarnagala (Тарнагала, Упитес апилинка, Паняевжский район), первый компонент *tarn-* связан с литовским *tarnas* – человек, исполняющий чью-то волю. Предполагается, что существовало личное имя **Tarnas*, которое произошло от литовского апеллятива.

Tendžiógala (Тянджиогала, Восилишкио апилинка, Расяйнский район), первый компонент *tendž-* (тяндж-) связан с личным именем *Teñdis*, *Tendys* (LPŽ II, 1036). Происхождение личного имени неизвестно.

Vaikšnégala (Вайкшнегала, Пакапес апилинка, Шяуляйский район), первый компонент *vaikšn-* (вайкшн-) связан с личным именем *Vaikšnyš* (LPŽ II, 1132).

Vetygala (Вятигала, Шяйминишкяй, Аникшяйский район), компонент *vet-* (вят-) мог появиться из *viet-*, потому что здесь *ie-* перед ударным слогом монофтонгизируется в *e-* (Zinkevičius, 1966, 88). Для сравнения сегмент *-ie-* в ударном положении: *Vietiškės* (Виетишкес, Скиемонис, Аникшяйский район) (Lietuvos TSR... II, 1976, 344). Поэтому компонент *vet-*, респ. *viet-* связан с личным именем **Vietys* (Виетис).

Žaibgala (Жайбгала, Упитес апилинка, Паняевжский район), первый компонент можно связать с формой *Žaib-iskės* (Жайбишкес, Ужпалу апилинка, Утянский район) и личным именем *Žaibus* (LPŽ II, 1308).

Наибольшее количество названий местности с топонимическим компонентом *-gala* находится на территории Центральной Литвы, на юге такие топонимы есть около Каунаса, восточная часть Литвы остается необозначенной, а на западе – распространяется до настоящей границы Жямайтии в Расяйнском районе. На севере топонимы с компонентом *-gala*, кажется, приближаются к границам Латвии. Структура топонимов интересовала многих языковедов именно из-за компонента *-gala*. Архаичность структуры засвидетельствована в исторических источниках (Karaliūnas, II, 2005, 134). Каралюнас, анализируя названия местности с корнем *vend-*, утверждает, что название *Wędziągola* (Ванджиогала) не очень старое, у него литовское происхождение. Первый компонент *vand-* связан с личным именем *Vandys* (Вандис), этимологической мотивацией которого является глагол латышского языка *veīst* – «лезть, карабкаться, тяжело двигаться», этот

1 карт. Картографическая схема микрорегиона долины реки Нявежис

глагол из-за дифтонга *en* можно считать остатком куршского языка. Второй компонент *-gala* автор связывает с латышским *gals* «край, область». Структура названия литовская, но этимология структурных элементов находится в латвийской – куршской языковой среде. С точки зрения структуры, названия местности с *-gala* не совсем соответствуют особенностям словообразования литовского языка из-за окончания. Обычно в составных формах со словом *galas* названия местности приобретают окончания *-is* или *-ys*, (-ис), во множественном числе ойконимические формы бывают с окончаниями *-(i)ai* (-и) ай, например, в исследованиях Ванагаса упоминаются *Davōngalis*, *Vaidōgalis*, *Piktagalys*, *Trakagalys*, *Gudgalys*, *Gudgaliai*, *Ramongaliai*, *Tiltagaliai* (Давонгалис, Вайдогалис, Пиктагалис, Тракагалис, Гудгалис, Гудгаляй, Рамонгалий, Тилтагалий). По утверждению автора, в семье литовских названий местностей с *-gal-*, названия местностей с *-gala* составляют только четвертую часть. Исследователь полагает, что названия с *-gala* архаичны, они появились в те времена, когда при соединении двух слов, окончание основы второго компонента могло оставаться неизменным. Кроме того, слово *gālas* ранее могло иметь форму среднего рода *gāla* (Vanagas, 1996, 186–192).

Места с наименованием *-gala* расположились в отдалении от берегов Нявежиса. Они как бы широким кольцом окружают долину реки. По берегам Нявежиса так же расположены места с названием с часто встречающимся суффиксом *-ainiai*. Близ Каунаса можно перечислять: *Romainiai*, *Šilainiai*, *Berlainiai*, *Lentainiai*, *Josvainiai*, *Vilainiai*, *Kėdainiai*, *Šateiniai*, *Bakainiai* (Ромайняй, Шилайняй, Бярлайняй, Лянтайняй,

Иосвайняй, Вилайняй, Кядайняй, Шатяйняй, Бакайняй). Ванас считает, что название города *Kėdainiai* (более старая форма *Kėdainys*) происходит от личного имени и связано с фамилией *Kėdainis* (Кедайнис). Однако другие названия, такие как *Raseiniai*, *Romainiai*, *Lentainiai* (Расяйняй, Ромайняй, Лянтайняй) связать с личными именами непросто. Трудно их связать с другими типами названий местности, даже со словами общеупотребительного языка. Происхождение суффикса *-ain-* (-айн-, -яйн-) не прояснено до конца. Амбразас рассмотрел производные слова с суффиксом *-ain-* в литовском и латышском языках и обсудил несколько концепций происхождения суффикса. Надо отметить, что этот суффикс свойственен балтийской гидронимии, а апеллятивные производные слова и имена собственные, как антропонимы, так и топонимы характерны и для латышского и, кажется, для прусского языков. В Литве производные слова с суффиксом *-ain-* характерны для гидронимии, а ойконимы, множественное число этого суффикса встречаются не только на берегах Нявежиса, но, и как названия местности с окончанием *-gala*, в центральной части Литвы с тяготением на запад. Ойконимы с суффиксом *-ain-* для восточной Литвы не характерны. Только на территории Белоруссии встречаются три ойконима – *Benekainys*, *Geranainys*, *Smurgainys* (Бянекайнис, Гяранайнис, Смургайнис). Опираясь на археологические исследования, в которых утверждается, что долина Нявежиса выделяется удобной для проживания ситуацией, можно сделать предварительные выводы, что ойконимические производные слова с суффиксом *-ainiai* (-айняй, -яйняй) являются одними из самых древних названий местности, свидетельствующими об определенном периоде ее обживания. Если произошедшие из апеллятивов названия самые древние, тогда множественный род слов с суффиксом *-ain-* должны были появиться в родовой общине, осознающей себя как коллектив, названный одним именем. Опираясь на фиксацию компонента *-gala* и суффикса *-ainiai* в картографии, мы определим территорию в микрорегионе долины реки Нявежис как топоидентичную.

ИСТОЧНИКИ

- Lietuvos TSR. (1976). Lietuvos TSR administracinio-teritorinio suskirstymo žinynas, II d. Vilnius: Mintis.
 LPŽ – Vanagas A. ir kt. Lietuvių pavardžių žodynas. Vilnius: Mokslas, t. I – 1985, t. II – 1989.
 Metryka Litewska. (2000). Rejestyry podymnego Wielkiego Księstwa Litewskiego: Województwo trockie 1690 г. Opracował Henryk Luliewicz. Warszawa: Wydawnictwo DiG.
 SA XVIII a. Kauno dekanato parapijų sąrašai (SA 19247) / Dekanat Kowieński Ro[k]. 1784. Parafia Kor-miałowska.
 Литовская Метрика, Ч. 3: Книги Публичныхъ дель. 1915. Переписи войска литовскаго. Пг.

ЛИТЕРАТУРА

- Ambrasas S. (1993). Daiktavardžių darybos raida: lietuvių kalbos veiksmažodiniai vediniai. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla.
 Karaliūnas S. (2005). Baltų praeitis istoriniuose šaltiniuose, t. II. Vilnius: Lietuvių kalbos instituto leidykla.
 Mažiulis V. (1988). Prūsų kalbos etimologinis žodynas, t. I. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla.
 Salys A. (1990). Lietuvių kalbos tarmės // Lietuvių enciklopedija, t. 15: Lietuva. 2 leidimas. Vilnius: Lietuvos enciklopedijų redakcija.

- Smith A. D. (1986). *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford, New York: Basil Blackwell.
- Smith A. D. (1991). *National Identity*. Harmondsworth: Penguin.
- Vanagas A. (1981). *Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas*. Vilnius: Mokslas.
- Vanagas A. (1996). *Lietuvos miestų vardai*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla.
- Zinkevičius Z. (1966). *Lietuvių dialektologija*. Vilnius: Mintis.
- Бирыла М. П. (1969). *Белорусская антропонимия*. Минск.
- Фьют А. (2006). *Беседы с Чеславом Милошем*. Москва: Новое издательство.

Nijolė Taluntytė

ETHNOTOPONYMICAL IDENTIFICATION ANALYSIS OF THE LOWLAND OF THE NEVĖŽIS RIVER

Summary

Ethnic exhibition in the works of Czesław Miłosz is provoked by the personality's existential need for a self-image. One can best recognise that in his novel "The Issa Valley". The narrative of the novel takes place in the specific geographical place, named Issa valley. As the author says himself, the prototype of Issa valley is the lowland of the Nevėžis. The Issa – the imaginative river name – is interpreted in the novel as the heritage of the Baltic ethnicity.

In the centre of Lithuania toponyms could be researched as the exhibition of some ethnic identity. While taking the Nevėžis lowland as a reference point, it could be described as having a big concentration of toponymical identification unit – toponyms with a compound member *-gala*.

Toponyms with *-gala* are relatively remote from the banks of the Nevėžis – they form a broad territory around the lowland of Nevėžis. On the banks of Nevėžis there are the toponyms with the suffix *-ainiai*. This suffix is typical for the Baltic hydronyms, anthronyms, toponyms found in Latvian and, as it seems, Prussian languages. For that reason there is the preliminary conclusion that the toponyms with the suffix *-ainiai* are one of the oldest in the territory of Lithuania.